

Священная земля

Твайлайт Спаркл умирал. И это его совсем не удивляло. Он слышал приближение смерти в каждом своём вдохе, жадно втягивая воздух большими глотками. Он видел её в своём когда-то таком блестящем и чёрном панцире, ныне же грубом и тускло-сером. И конечно же он чувствовал её — в той глубокой, болезненной, бездонной пустоте, медленно пожирающей его изнутри. Да, он умирал, и он знал о своей участи. Всегда знал.

Для него никогда не было секретом, что в конце пути его ждёт смерть, смерть от голода.

Но он всё шёл. Тень смерти долго преследовала его сквозь пустоши, но она его не настигнет, пока он не достигнет места назначения. И он уже видел свою цель, высокую и непоколебимую, гордо возвышающуюся над почерневшими песками: гору. Она была близка, очень близка, и становилась всё ближе с каждым шагом. Он уже не смел останавливаться. Не здесь. Смерть на горе будет смертью на святой земле, и Твайлайт не мог просить о большем. Наконец-то его долгое паломничество будет окончено.

И он всё шёл, и шёл, и шёл. Каждый шаг давался ему с трудом, неумолимо растрачивая оставшиеся крохи драгоценной энергии, сбережённой только для того, чтобы суметь пройти эти последние несколько километров. Он был совсем не против, ведь это значило, что его существование не было напрасным и что боги — если они всё ещё наблюдали — отметят его верность и улыбнутся ему. Боги не улыбались его виду уже очень давно, но с другой стороны, никто из его вида не был столько же верен им, как Твайлайт Спаркл.

Если среди его сородичей и нашлись бы столь верные, они были бы сейчас здесь вместе с ним.

Он остановился отдохнуть невдалеке от подножия горы, так близко к своей цели, что мог даже видеть её. Ему казалось как-то негоже есть на святой земле, да и его запасы уже совсем подошли к концу, так что Твайлайт решил, что лучше остановиться и докончить их тут. Его последняя трапеза перед восшествием на гору, после чего никакой еды до самого конца.

Из одного кармана плаща он выудил свою последнюю горсточку семечек, а из другого — мышь. Это была маленькая тощая зверушка с серой шёрсткой и живым розовым носиком. Мышка весьма отошала к этому дню, как и её владелец. С её бочков проглядывали крошечные рёбрышки, вздымаясь и становясь очевидней с каждым вдохом. Она отчаянно принялась, не сводя глаз с семечек, покоящихся на его другом копыте. Она была голодна. Голоден был и он.

Он дал мышке несколько подсолнечных семечек, роняя их одну за другой в её протянутые лапки, она с радостью их ловила, тут же жадно сгрызая. Когда семечки закончились, мышка потёрлась носиком о его копыто и, наконец-то сытая, умиротворённо вздохнула. И тут он наконец почувствовал её: ту знакомую, аппетитную, долгожданную теплоту. Любовь. Хоть и тусленькая, но всё равно любовь.

Твайлайт молча помолился. Ему как-то раз сказали, что вся любовь — даже любовь самой малой мышки — изначально идёт от богов, и потому он поблагодарил их за свою последнюю трапезу. И принялся высасывать из мышки всю любовь, которую та могла ему дать, а когда ничего уже не

осталось, продолжил пить. Мышка отчаянно запищала и задёргалась, когда он начал высасывать из неё последние соки, но вскоре ослабла и замерла навсегда. Твайлайт этого даже и близко не хватило, чтобы утолить голод, но это было лучше, чем ничего, и он был благодарен даже за это.

— Доброй дороги из этого мира, — сказал он мышке, копая для неё маленькую ямку в тёмном песке пустоши. — Возможно, если тебе повезёт, боги улыбнутся тебе в следующем. — Он бережно похоронил тельце, притоптал копытом землю и кивнул. Откровенно говоря, это было большим, чем заслуживала какая-то мышь, но у Твайлайт это почти не отняло времени, плюс он успел привязаться к мышке. Она пропутешествовала с ним весь путь через пустошь, верно оставаясь с ним с самого первого дня, когда он отправился в паломничество — что было немалым подвигом. Он не мог сказать подобного ни об одном родиче из улья, так что, возможно, мышка всё-таки заслужила погребение.

Твайлайт снова припустил рысцей, заряженный любовью мышки. Гора была уже настолько близко, что уже заслоняла полнеба и повергала его в трепет своей величественностью. По панцирю Твайлайт пробежала дрожь, когда он шагнул в её тень, в воздухе словно бы витала искорка мощи; это была святая земля. Он чувствовал это. Твайлайт впервые за всю свою недолгую жизнь ступил на землю самих богов, и если ему улыбнётся удача, эта недолгая жизнь оборвётся до того, как ему придётся уйти.

Когда он прошёл глубже в святые земли, его приветствовали статуи богов. Они торчали из песка, наполовину захороненные, но целые, и Твайлайт почти чувствовал на себе их глаза, когда проходил мимо. Он не мог не задаваться вопросом, было ли тут тогда — давным-давно — что-нибудь ещё. Конечно же на святых землях должны были быть не только статуи. Возможно, целые храмы и святыни, возведённые во вечную славу богов. Мраморные дороги и золотые фонтаны, плещущие любовью.

Должно быть, так оно и было очень-очень давно, предположил Твайлайт. Если святая земля и была когда-то прекрасной, она увяла и опустела, как и весь остальной мир, когда боги ушли и забрали с собой свою любовь. Без сомнения, величайшая трагедия, но Твайлайт не особо переживал из-за этого. Всему случившемуся была воля богов, так что и это, должно быть, было частью их великого замысла.

Он останавливался принести молитву перед каждой статуей, но не смел ни одной из них коснуться в страхе оскорбить наблюдающего бога. Рогатые боги, крылатые боги и земные боги, обладавшие одними лишь своими четырьмя копытами — он надеялся найти одобрение в глазах хоть кого-нибудь из них, прежде чем пойдёт дальше.

— ...И да простите нам грехи наши, хоть и велики они, — сказал он, заканчивая свою последнюю молитву. Она была преподнесена земной богине по имени Мэр. Ну, или по крайней мере он посчитал, что её так звали. Это имя было выгравировано на статуе, правда он ни разу в жизни не слышал о таком боге. И всё же каждый бог заслуживал поклонения, так что он остановился на своём пути преклонить колени и перед нею.

Прямо позади этой статуи был последний шаг его паломничества: стальная дорога, ведущая прямо на гору. На взгляд Твайлайт, это была очень странная дорога: два железных бруса,

соединённые деревянными подобно лестнице, ведущей в высший мир. Почему только боги создали такую странную дорогу в свою святейшую обитель, было за пределами его понимания, но Твайлайт посчитал, что это, должно быть, тоже было частью их божественного замысла. Обернувшись, он послал слово благодарности всем богам позади, после чего поставил копыто на покрасневшее от ржавчины железо. Несомненно, тому была воля богов, что он зашёл так далеко, и если они могли даровать ему столь великую милость, то, быть может, и прощение всего его рода не было невозможным.

Такого рода мысли, однако, показались ему самонадеянными, так что он прогнал их из головы. Вместо подобных размышлений он решил следовать железным линиям стальной дороги, насколько мог. По ней было трудно идти, эта дорога явно была проложена не для его копыт и была так стара, что в некоторых местах не выдерживала его вес, но всё же медленно и верно он шёл. Здесь наступала последняя проверка его веры, последнее испытание между ним и городом. Он был близок. Ближе к цели, чем кто-либо из его рода был вообще.

Твайлайт широко улыбнулся этой мысли и припустил сильнее вверх по склону дороги. Ох, как же весь улей над ним смеялся. Издевался над ним. Считал его дураком, что тот смел помыслить о возможности пережить это паломничество. Но боги — лишь они одни видели, сколь сильна его вера, и лишь они одни могут его за неё вознаградить. Остальной улей, быть может, сейчас думает об этом, умирая от голода в своих тёмных, сырых пещерах.

Да, он тоже умрёт от голода, но есть места куда хуже для смерти, чем сверкающий белый город богов.

Выше и выше всходил он на гору, прямо в бесконечное красное небо, всё ближе к сверкающему городу богов. Уже давно иссякла любовь, дарованная ему мышкой, и в полной силе вернулась мучительная боль голода, но он всё продолжал идти. Хоть и был воздух всё разреженней, а склон горы всё круче, мысли Твайлайт были только о достижении вершины — о выполнении своего последнего долга пред богами.

И когда он наконец стоял перед золотыми городскими воротами, он знал, что боги снова улыбнулись ему. Врата были оставлены широко открытыми, словно бы приглашая его войти внутрь, но какое-то время Твайлайт не мог сдвинуться с места, он стоял с раскрытым в изумлении ртом от вида города перед ним. Высокие белые башни, возвышающиеся в самые небеса, выше, чем вершина самой горы, улицы, выложенные из ровного серого камня, вместо гравия и угольно-чёрного песка. Постройка самых худших из зданий перед ним была бы непосильной задачей даже для лучших мастеров его улья, а создание целого такого города, несомненно, могло быть работой только богов.

— Это честь для вашего покорного слуги, — прошептал он. Твайлайт упал на колени и ещё раз возблагодарил богов, что привели столь жалкого, как он, так далеко. Окончив молитвы, он шатко поднялся на ноги и прошёл через врата. Его крылья зажужжали от радости, растрачивая те крохи энергии, что в нём оставались, и слёзы — бесценная влага — полились с его глаз. Но Твайлайт не волновали такие растраты. Они больше не имели значения. Если он умрёт здесь и сейчас, то он умрёт счастливым.

Но тень смерти ещё не настигла его, и ему ещё надо было найти хорошее место, чтобы умереть, так что он решил побродить по городу в его поисках. Он неторопливо брёл по каменным улицам, упиваясь видом, достаточно медленно, чтобы прочувствовать. Сейчас он чувствовал себя таким ничтожным, как не чувствовал за всю свою жизнь, окружённый столь многими роскошными и величественными зданиями, любое из которых могло бы быть настоящим дворцом для его рода. И ещё более впечатляющим было то, что совершенно каждое здание было возведено в своём уникальном стиле, с явными заботой и любовью. Не было двух одинаковых, и каждое здание было украшено своим особым сплетением золотого металла и выцветающей ткани.

Твайлайт не мог себе представить, ни как боги могли возвести столько сложных построек, ни зачем им вообще понадобилось их так много. Ну, некоторые из них могли быть храмами, предположил он. Другие, наверное, были дворцами самих богов. Но конечно же не было столько богов. У Твайлайт было смутное предположение, что самые маленькие из домов могли быть домами его предков. Местами житья почитателей величия богов — конечно же задолго до Великого Конца. Задолго до того, как боги покинули его вид и оставили мир на погибель.

Твайлайт мог бы узнать больше, посмей он заглянуть в какой-нибудь из них, но все двери были закрыты, а Твайлайт знал, что лучше не входить в жилища, вход в которые ему был запрещён самими богами. И поэтому он ограничился лишь тем, что мог найти на улицах, где было ещё столько всего прекрасного для его глаз. Твайлайт заметил, что во всём городе не было ни одной полуразрушенной или захороненной в песке статуи, как было у подножия горы. Статуи здешних же богов все стояли гордо на своих пьедесталах, их совершенство было омрачено лишь тяжестью веков.

И этих богов он узнал. Крылатая богиня, Флаттершай. Земная богиня, Пинки Пай. Воистину могущественные боги. Он носил их обличия в улье во время разыгрывания легенд о них, но те имитации сейчас казались невероятно грубыми и примитивными в сравнении с образами, вырезанными в камне самими богами. В каком-то роде это было унижительно (не то чтобы Твайлайт когда-либо стремился к высокомерию). Ни одному чейнджлингу на свете никогда не удавалось передать и половины великолепия и уверенности в образе Рэйнбоу Дэш, сколько излучала её статуя, стоящая на высохшем фонтане.

Он послал свои молитвы Рэйнбоу Дэш и пошёл так быстро, как могли позволить его копыта, его лицо пылало от стыда. Он всегда считал, что обличия, которые он носил — которые носили все в улье — были очень точными. Ему никогда не могло прийти в голову, что даже в служении его вид наверняка казался богам таким же мелким и слабым, как мышь для него.

В конце концов блуждания привели его к самому величественному и наивеликому зданию из всех: замку. Даже в городе богов это строение, очевидно, когда-то было чем-то особенным. Домом для величайших из богов, предположил Твайлайт. Чем же ещё могло быть это строение, если оно возвышалось над городом башен? Боги, несомненно, знали, как показать уважение своим лучшим.

Что интересно, замок был единственным местом, куда ему дозволено было войти. Его подъёмный мост был опущен, протягиваясь над пустым рвом и почти... приглашая внутрь, так же как городские врата. Неужто сюда желали привести его боги?

— Такая честь для меня, — прошептал Твайлайт наполовину для себя, наполовину слушающим его богам. Он шагнул на подъёмный мост и замер, по его панцирю прошлась дрожь. Сам воздух вокруг чуть ли не трещал от энергии. Да, здесь было сосредоточение мощи. Если остальные земли были святы, то замок был наисвященнейшим из всех. — Я не достоин...

И всё же, достоин он был или нет, Твайлайт мог только пойти вперёд и принять ту честь, что боги решили возложить на него. Он наполовину ожидал, что будет встречен одним из богов лично, когда перешёл мост и вошёл в замок, но конечно же это была глупая надежда. В этом мире больше не было богов, и никогда уже не будет.

Одного лишь входа в замок ему уже было более чем достаточно. У его улья не было ни единого даже вполонину столь массивного зала, как тот, в который он ступил. Куда он только ни смотрел — везде было чувство богатства. Блестящие кристаллы, свисающие с потолка, самые разнообразные флаги и гобелены, покрывающие стены, и целые окна, составленные из странного разноцветного стекла. Твайлайт мог бы стоять тут вечно, потеряв себя в одном только этом огромном зале, упиваясь его видом до своего самого последнего...

Треск!

Твайлайт подскочил, его крылья взволнованно зажужжали. Звук? Где? Здесь? Или где-то ещё?

Он сделал глубокий, успокаивающий вдох. Нет, звук был не из этого зала. Он раздался из другого помещения, где-то дальше. Ещё вдох. Спокойствие. Здесь нет угроз. Просто он настолько привык к пустой тишине... Так что же могло издать тот звук? Явно не животное. Здесь не было ни любви богов, которая поддержала бы его, ни кого-нибудь из его рода, кто мог бы зверька покормить более земной пищей. Точно не животное.

Треск!

Твайлайт осторожно побрёл в направлении источника звука, следуя за ним вверх по лестнице, затем направо, по коридору...

Треск!

Прямо за поворотом. Именно оттуда раздался звук. Он шагнул вперёд, так тихо, как только мог, напрягая крылья, чтобы они случайно не зажужжали. "Лишь осторожность", — прошептал он себе беззвучно. Вряд ли здесь может скрываться какая-нибудь угроза. Здесь, в самой священной обители. Сейчас он заглянет за угол и наверняка увидит упавшие гобелены, крепления которых поддались под тяжестью столетий.

Совершенно точно, это он и увидит.

Треск!

— Боги, дайте мне сил, — произнёс молитву Твайлайт, обращаясь ко всем богам, имена которых он знал, даже к тем, о которых он только-только узнал, таких как богиня Мэр. Медленно, двигаясь

сантиметр за сантиметром, он одним глазком выглянул за угол...

И там стоял один из его рода. Другой, такой же как он. Ну, не совсем такой же — крылья короче, другой узор копыт. Скорей всего, из другого улья. Твайлайт напрягся, неуверенный, чего ожидать от другого из его рода. Ему совершенно не нравились его родичи с собственного улья, насмехавшиеся над его великой верой и над его стараниями совершить паломничество... Так что же тогда он получит от чейнджлинга, чуждому ему совершенно, даже без родственной связи, которая могла бы хоть немного смягчить отношение?

Ему вдруг пришло на ум, что этот чейнджлинг тоже ведь как-то добрался до города. Он тоже посмел пересечь пустошь, совершить собственное паломничество. В таком случае, ещё один столь же верующий! В груди у Твайлайт разгорелось волнение. Как ему следует представиться? Что он должен сказать? Он совершенно не знал, как встречать чейнджлингов из других ульев. Он даже не знал, говорит ли этот незнакомец на одном с ним языке. Конечно, их общей веры должно быть достаточно, ведь так?

Он стоял, скрытый, наблюдая за своим товарищем-паломником, раздумывая, как же поприветствовать его. Он внимательно, осторожно смотрел, как незнакомец подошёл к стене, взялся копытами за конец одного из гобеленов — гобеленов, которые сами боги повесили сюда...

И потянул.

Треск!

— Стой, стой! — вскричал Твайлайт, кидаясь к незнакомцу, чтобы вырвать из его копыт гобелен. Уставший, голодный и слабый, как и он сам, незнакомец всё же без труда удержал у себя конец гобелена. — Разве ты не знаешь, что это принадлежало богам?

— Знаю, — спокойно ответил незнакомец. — Зачем ещё, по-твоему, я их срываю? — Он сорвал гобелен на пол и притоптал копытом, обильно пачкая его грязью и чёрным песком пустоши. — Рад нашей встрече. Я Эплджек из северной пустоши. А ты?

Твайлайт только и смог что скривиться в негодовании.

— Я... Ты... боги! — выдавил он.

— Интересное имя, — сказал Эплджек задумчиво. — Ни разу не слышал о таком боге. Из какого же такого странного улья ты родом?

— Я... Я Твайлайт Спаркл с востока! — выпалил Твайлайт, вновь обретя голос. После борьбы с Эплджек он всё ещё задыхался. И не удивительно, решил он, ведь он уже был на краю смерти. Даже крошечная натуга обойдётся ему тяжело. — Это... Это имя великой и могущественной богини, и ты будешь проявлять к нему должное уважение!

— О, а вот это имя я узнаю, — сказал Эплджек. Потом сплюнул на гобелен и ухмыльнулся. — Как ты заметил, я не испытываю никакого уважения к богам. Но ты не бог, и если не твоё имя, то тебя я

могу уважать. Добраться сюда — нелёгкая задача. Я глубоко впечатлён, что ты проделал такой путь.

Твайлайт скривился. Ему не нравился этот "Эплджек", не имеющий никакого уважения к великим. И не заслуживающий такого прославленного имени, как Эплджек.

— Пустые похвалы. Я бы сам ни за что не добрался до сюда. Я здесь именно по милости богов, позволивших мне проделать этот путь.

— Как скажешь, — ответил Эплджек, ухмыляясь ещё шире. Затем поклонился. — Как бы там ни было, добро пожаловать в замок. Приятно иметь компанию.

— Не тебе меня приветствовать, — резко сказал Твайлайт. — Зачем ты только пришёл в это место, кроме как осквернить его?

— Хороший вопрос, — сказал Эплджек, затем пошёл в конец коридора и, обернувшись, поманил Твайлайт. — Следуй за мной, и я отвечу. Уже очень давно я не встречал никого из нашего рода. Из животных плохие собеседники. Зато из них неплохая еда, хаха!

Твайлайт не желал тратить и секунды больше на разговор с Эплджек, но... не мог же он просто дать столь опасному чейнджлингу свободно расхаживать по замку. Он был не уверен, что сможет помешать Эплджек ещё что-нибудь осквернить. Но когда время придёт, боги, несомненно, дадут ему сил. Как же иначе? И всё же Твайлайт уже был не столь уверен в могуществе их воли. В конце концов, боги как-то позволили Эплджек войти в их наисвятейшую обитель.

Так почему же? Эплджек к ним не имел ни почёта, ни веры, ни цели. В нём было всё, что боги презирали — он был живым воплощением самих грехов, именно из-за которых боги и оставили его род. Почему они не низвергли на него кару в тот самый момент, когда его копыто коснулось святой земли?

Был ли Эплджек тоже частью их божественного замысла? Провидением ли богов была их встреча? Было ли именно их пожеланием, чтобы Твайлайт за ним последовал?

— Последую, но с неохотой, — сказал Твайлайт. Он задержался, чтобы расправить упавший гобелен и стряхнуть с него столько пыли, сколько мог, затем последовал за Эплджек. — Поскольку я верю, что на то есть воля богов.

— Я бы на это не особо надеялся, — усмехнулся Эплджек. — Богам наплевать на нас уже очень давно.

Коридор привёл в огромный зал — каким-то образом ещё больший, чем тот, что видел Твайлайт, когда ступил в замок. И снова он оказался ошеломлён грандиозностью богов, но его благоговение было быстро сметено отвращением, когда он увидел то, что, скорее всего, было работой Эплджек: сорванные шторы, порванная ткань и осколки фарфора. Твайлайт мог только представить, какое наказание ждёт Эплджек, когда боги наконец обрушат на него свой гнев. Несомненно, он уже совсем скоро поплатится за свои грехи.

— Я должен тебя предупредить, — сказал Эплджек. — Если ты пришёл сюда в поисках любви, то ты её не найдёшь. Здесь её просто нет. Я долго и усердно искал, но боги не оставили ничего. Мне жаль.

— Я проделал столь долгий путь не ради любви, — ответил Твайлайт. — Но лишь чтобы найти покой в землях самих богов. Это вопрос веры — понимания которой я от тебя даже не жду.

— Вера, — сплюнул Эплджек, сузив глаза и тихо зажужжав крыльями. — Не ошибись в суждениях. Вопрос веры я очень даже хорошо понимаю. Я тоже раньше верил. — Он пнул кусок старой вазы, рассыпая её осколки по полу. — Скажи мне, Твайлайт Спаркл, веришь ли ты, что боги всё ещё наблюдают за нами?

— Конечно! — ответил Твайлайт без колебаний. Он знал учение наизусть. — Даже сейчас они направляют нас, чтобы мы могли когда-нибудь искупить себя в их глазах, и тогда, возможно, они вернутся к нам.

— Ммм, — ответил Эплджек, пинком посылая очередной осколок керамики в полёт. — Все в моём улье так считали. Возможно, они и сейчас так считают.

— А ты нет?

Эплджек пожал плечами.

— Как я могу? Мы верим. Мы гибнем. И где же боги? Они не дают нам любви, а мы всё равно им служим. Мой улей не может питаться служением. Если боги всё ещё смотрят, почему они позволяют нам гибнуть от голода? Где же награда за нашу веру?

— Вера — сама по себе награда, — сказал Твайлайт, вновь вторя учению. И всё же слова Эплджека немного уязвили его. Каждое слово того было покушением на богов, но где же наказание за его отсутствие веры? Как боги могли позволить ему говорить о них со столь великим неуважением и даже даровать ему возможность умереть на святой земле, как даровали её Твайлайт?

Он прогнал эту мысль из головы. Нет. Боги подвергнут его правосудию в своё время, причём как свершение своего божественного замысла, а не как исполнение его простых желаний.

— Вера — сама по себе награда, — повторил он. — Твой улей не может питаться богохульством.

В ответ на это крылья Эплджека громко зажужжали, и, казалось, он вот-вот кинется на Твайлайт, но спустя мгновение он поник и вздохнул.

— Я расскажу тебе секрет, — сказал он. — Это по воле моего улья я прибыл сюда. Они... мы все верили, что в этом городе таится наше спасение. У нас была вера, что боги не оставят нас всех на погибель; что, если мы только сможем совершить паломничество, мы найдём здесь какого-нибудь своенравного бога, который пожалеет нас, или оставленный позади кладёзь любви. Я был назначен совершить паломничество, что, как видишь, мне удалось. У меня была вера, что я найду хоть что-нибудь, чтобы принести назад, чтобы спасти нас всех от голодной смерти.

Но здесь нет ничего, — всхлипнул он. — Я здесь обнаружил лишь то, что богам наплевать на нас, и сомневаюсь, что мы им когда-либо вообще было до нас дело. Я не смею возвращаться к своему улью с такими вестями. Их запасы уже почти на исходе, они умрут от голода там, я умру от голода здесь. Все мы умрём, но им, по крайней мере, не придётся узнать суровую истину, с которой я здесь столкнулся. — Он повернулся к Твайлайт. — Я трус. Разве ты не считаешь меня трусом?

— Я... — начал Твайлайт. Он не совсем знал, что сказать. Единственное, что он ожидал от своего паломничества — это шанс умереть в замке. Ему даже мысли в голову не приходило, что здесь может быть что-нибудь, что могло бы спасти его улей, или что его улей, с его издевательствами и презрением, вообще заслуживает спасения.

Эплджек же пришёл в город с целью, казавшейся почти... благородной. И всё же он ожидал не того от своей веры. Он позволил вере в себе рассыпаться слишком легко. И в итоге, решил Твайлайт, Эплджек был не столько грешен, сколько слишком слаб, чтобы принять суд богов.

Возможно, именно поэтому боги до сих пор и не наказали Эплджек: они его пожалели.

— Нет, — наконец сказал Твайлайт. — Я... не считаю тебя трусом.

Эплджек вздохнул, словно бы успокоенный его словами.

— Ты очень добр, — сказал он, снова улыбаясь. — Если бы только боги были так же добры, как ты, я думаю, весь мир был бы сейчас куда лучше, а наш род от этого гораздо счастливее.

— Боги простят нас только тогда, когда посчитают достойными того, — спокойно сказал Твайлайт.

По правде говоря, он был готов уже отправиться на покой. Он понял все уроки, которым его хотели научить боги, познакомив с Эплджек, и ему стало уже совершенно ясно, что они не видят в нём никакой угрозы; или, по крайней мере, считают его осквернения позволительными. Больше не было ничего, что можно было бы почерпнуть из разговора с Эплджек, и то малое время, оставшееся у Твайлайт, можно было потратить на более благочестивые занятия.

— Как бы там ни было, — сказал он, тихо отходя от Эплджек. — Наш разговор был... весьма поучительным, но если ты не против, сейчас я предпочёл бы исследовать замок сам.

— Конечно, — ответил Эплджек, кивая. — Конечно. Но... — Он замялся. — Если ты вдруг захочешь ещё поговорить, просто позови. Я буду тут. Мне было приятно с тобой пообщаться.

— Я буду иметь в виду, — сказал Твайлайт, поворачиваясь, чтобы уйти. — Мне... тоже было приятно пообщаться.

И возможно, это было не совсем ложью. Обернувшись через плечо, он посмотрел на Эплджек, начавшего бесцельно блуждать по залу. Это был странный чейнджлинг, Эплджек ни разу не отозвался о нём с пренебрежением, ни разу не оскорбил его. Невзирая на их различия, он обращался к Твайлайт с уважением, а это... это было редкостью. Быть может, глубоко внутри он всё

же ощутил удовольствие от общения с Эплджек. Хоть и самую малость.

Но только боги могли знать наверняка.

Время тянулось бесконечно, и с каждым пройденным часом Твайлайт всё больше чувствовал, как обогащается его душа и увядает тело. Он увидел многое за своё краткое пребывание на священной земле, исследуя замок и раскрывая его бесчисленные секреты. Но всё же было ещё так много мест, которые он не успел посмотреть, и в столь огромной обители, как этот замок, он и помыслить не мог, что до своей смерти успеет обойти их все.

Он умирал. Сейчас даже вернее, чем раньше. Пустота в его желудке, казалось, заполняла его всего, угрожая проглотить его целиком — во всяком случае то, что от него осталось. Та терпимая боль, всюду преследовавшая его, наконец переросла в нечто гораздо более острое, и это, подумал он, было то самое ощущение, когда ты истинно на краю смерти. И всё же, если это было оно, смерть не желала прийти так просто. С чего он вообще решил, что смерть от голода — это славная смерть? Почему боги не ответили его мольбам прекратить эти мучения?

Они не сочли его достойным?

У Твайлайт возникла злая мысль, говорящая почти что голосом Эплджек: боги всё-таки не смотрят. И потому они не ответят. Он прогнал её из головы. Нет. Это богохульство. Он не поддастся. Его вера не рухнет так просто, как рухнула у Эплджек. Боги ответят, когда сами сочтут нужным.

Так что он не прекращал верить.

Тронный зал был не самым большим помещением в замке, но выглядел достаточно комфортно и вполне подходил для ухода в иной мир. Твайлайт был далеко не настолько высокомерен, чтобы усесться по центру золотого трона, но, возможно, он мог бы найти тут местечко на ковре, где мог бы отдохнуть, пока боги не сочтут нужным предоставить ему что-нибудь более долговечное.

Он медленно взбрёл вверх по лестнице, ведущей к трону. Прямо к основанию средоточия власти самих богов. Да, это будет хорошо. Не настолько дерзко, чтобы претендовать на их сидение, но достаточно близко, чтобы боги могли видеть, что он всегда был их самым преданным слугой. Он немножко притоптал богатый красный ковёр и медленно опустился на него, игнорируя боль в суставах. Идеально. Твайлайт уже чувствовал, как закрываются его глаза; медленно, но верно. Он смотрел ими свой самый последний раз, и...

Так, погодите. Он замер, когда слабейший из проблесков привлёк его внимание. В углу зала лежало что-то странное, своим свечением едва выделяясь в естественном здешнем полумраке. Твайлайт поднялся на ноги, так быстро, как только позволило ему увядающее тело, и побрёл посмотреть.

Это был кристалл, вроде тех, что свисали с потолков замка, но достаточно маленький, чтобы уместиться у него на копытах. Кристалл светился мягким лавандовым светом, Твайлайт в жизни не видел ничего подобного. И Твайлайт задался вопросом, как же он умудрился в своих исканиях пропустить столь изумительную вещь.

Возможно, Эплджек — этот осквернитель — положил его сюда. Такое возможно, решил Твайлайт. Он видел Эплджек только раз или два с того их первого разговора, тот лишь кивал Твайлайт, проходя мимо. Было нетрудно представить, как Эплджек забирает сей артефакт с надлежащего ему места. Очевидно, этому кристаллу было не место в углу, валяясь, словно забытый. Да, наверняка именно Эплджек его сюда закинул.

В таком случае, Твайлайт не оскорбил бы богов, подними он кристалл и положи на более подобающее тому место. Он взял кристалл в зубы и поискал глазами, куда бы его возложить. Может, на трон? Один лишь трон казался подходящим для столь интересного артефакта. Твайлайт едва волоча ноги дотащился до трона и бережно положил кристалл на его сидуху. Идеально.

Твайлайт склонил голову, чтобы произнести молитву перед кристаллом.

— И вот я воздал последнее служение, прежде чем уйду в мир иной, — прошептал он. — Ваш покорный слуга надеется, что снискал благоволение.

Когда он помолился, кристалл начал светиться ярче, ярче и ярче, пока сияние не стало почти ослепительным, Твайлайт даже пришлось защитить глаза копытом. Когда свет угас и Твайлайт посчитал, что уже безопасно смотреть, он убрал копыто...

И обнаружил, что стоит пред божеством.

Твайлайт не медля склонился в поклоне, даже не обращая внимания на боль в суставах. Он не посмел бы стоять в присутствии любого бога, а этой богини — особенно. Богиня светилась тем же лавандовым свечением, что и кристалл, излучая мощь, которую он едва ли мог осмыслить. Её крылья были царственно подняты, а рог на её голове светился даже ярче, чем она сама.

Да, он знал божество, стоящее перед ним. Как он мог не знать, когда носил её имя: Твайлайт Спаркл.

— *Это сообщение,* — сказала богиня Твайлайт Спаркл. Она посмотрела на него вниз, но её глаза, казалось, смотрели прямо сквозь него. — *Если здесь ещё кто-нибудь есть и слышит это, мне очень жаль. Их было слишком много. Если бы мы только продержались... простите.*

— Нет, — прошептал чейнджлинг-Твайлайт так почтительно, как только мог. Он не вполне понимал, о чём богиня говорила ему, но общий смысл был достаточно ясен. — Нет, не извиняйтесь предо мной, госпожа Твайлайт. Это я у вас должен просить прощения от лица всего моего рода. Это мы, кто поступил неправильно. Не вы.

— *Мы вернёмся, как только перегруппируемся и я найду своих друзей,* — продолжила богиня, слишком сосредоточенная на сообщении, чтобы услышать сказанное им. — *Может быть, с помощью Элементов Гармонии... если у нас получится снова собрать их вместе... мы что-нибудь сможем сделать.*

Твайлайт ошеломлённо поднял голову.

— Значит, вы возвращаетесь к нам, моя госпожа? Боги возвращаются? Ваш покорный слуга услышал вас верно?

— *А до тех пор: пожалуйста, сделайте всё возможное, чтобы продержаться. Они, может, и выиграли бой, но ещё не выиграли войну.* — Она кивнула и одарила его лучезарной улыбкой. — *Не оставляйте надежду. И, что бы ни случилось, всегда помните о могуществе дружбы... Конец сообщения.*

И точно так же неожиданно, как появилась, богиня Твайлайт Спаркл покинула его.

Твайлайт долго оставался, склонившись в поклоне, надеясь, что услышит ещё что-нибудь, что кристалл снова воссияет и ещё одно божество благословит его своим присутствием. Но нет; по-видимому, это всё, что боги хотели сказать ему. Хотя и этого было достаточно. Боги даровали ему видение — они смотрели! — и теперь его долгом было передать это сообщение всем, кто мог его услышать.

Даже Эплджек.

— Эплджек! — слабо прокричал он, ковыляя по коридорам так быстро, как только могли его нести трясущиеся ноги. — Эплджек!

— Что такое, что ты кричишь? — спросил Эплджек, когда Твайлайт наконец нашёл его. — Что случилось, Твайлайт Спаркл?

— Мне было видение! — хрипло ответил Твайлайт, пытаясь отдышаться. Даже столь малые труды, чтобы найти Эплджек, сильно ударили по нему, но Твайлайт было всё равно. Дела богов были гораздо важнее. — Ты... Ты был неправ! Боги смотрели за нами! Одна богиня говорила со мной! Они возвращаются!

Несколько секунд Эплджек просто молча стоял, мягко жужжа крыльями. Затем он наконец заговорил:

— Где ты наблюдал это видение? — спросил он. — Покажи.

Переполненный эмоциями, Твайлайт повёл Эплджек назад в тронный зал. Не будет больше разговоров, что богам на них наплевать. Больше никаких сомнений в его вере. Его одноимённая богиня говорила с ним, и если Эплджек и мог поспорить с чейнджлингом-Твайлайт, он не мог и надеяться перечить Твайлайт-богине.

— Вот здесь, — сказал он, показывая Эплджек кристалл, возложенный им на трон. — Здесь она говорила со мной.

— Ты точно уверен? — спросил Эплджек. — Я не чувствую здесь ни любви, ни силы. Разве не должно быть их тут хоть немного, раз уж сюда явилось божество?

— Я... — Твайлайт не нашёл что сказать. Действительно, если подумать, это было странно. Да, он чувствовал силу, когда богиня Твайлайт говорила с ним, но не любовь. Не было даже малой крупички симпатии из её бездонных запасов. Она просто не подумала дать ему немного? Или... — Ты увидишь, — сказал он. — Я сейчас позову её, и она лично рассеет твои сомнения.

Твайлайт склонился пред кристаллом и принялся молиться, как и в прошлый раз.

— О великая богиня Твайлайт Спаркл, — прошептал он. — Ваш покорный слуга молит вас явиться ему ещё раз и огласить вашу благую весть.

Он поднял взгляд на кристалл, ожидая увидеть, как тот снова воссияет, но не увидел ничего. Кристалл продолжал безучастно лежать на троне, светясь, казалось, даже слабее, чем раньше.

— Не думаю, что она ответит, — мягко сказал Эплджек.

— Она ответит! — взревел Твайлайт, столь громко, что заболело в груди. — Пожалуйста, госпожа Твайлайт. Заклинаю вас. Явитесь снова перед нами, чтобы доказать, что верующие всё же имеют благоволение в очах ваших.

Кристалл не засветился.

— Прошу! — закричал Твайлайт, схватив кристалл копытами. — Ваш верный слуга молит вас! — И с размаху вновь водрузил его на трон, с такой силой, что, казалось, кристалл может треснуть. Но тот всё равно отказывался светиться ярче. Весь свет словно бы иссяк в кристалле, и он стал всё равно что куском крашеного стекла. — Пожалуйста, — простонал он в последний раз.

Но ответа всё равно не было.

Твайлайт повернулся к Эплджеку.

— Но она... она была тут! — с мольбой в голосе сказал он. — Богиня Твайлайт Спаркл говорила со мной! Она сказала, что извиняется и что боги вернутся когда-нибудь, и, и... — Он рухнул на колени. Как же глупо это звучало, когда он наконец сказал это вслух. Неудивительно, что Эплджек ему не поверил, проповеднику божества, не даровавшего и крупички любви и навряд ли даже его заметившего. До чего же самонадеянно было думать, будто его посетила сама богиня, тогда как более вероятно было то, что он видел лишь галлюцинацию от своего голода.

— Ты говорил правду, — сказал он Эплджеку с грустью. — Похоже, боги всё-таки не смотрят на нас.

Он ожидал, что Эплджек рассмеётся или мягко скажет ему, что конечно же он был прав. Что ещё Эплджек мог сказать, когда он был настолько очевидно неправ и так ужасно заблуждался в своей вере? Но упрёка не последовало. Вместо этого Твайлайт почувствовал копыто, легко коснувшееся его плеча.

— Нет, — сказал Эплджек. — Я верю, что ты видел богиню и что она огласила тебе сообщение.

— Не можешь же ты быть серьёзно, — прошептал Твайлайт. Он поднял взгляд на Эплджек, ожидая увидеть какой-нибудь намёк на фальшь, но не было ни единого. Эплджек говорил искренне. Он верил.

— Но я серьёзно, — сказал Эплджек. — И наша задача сейчас — не просить её повторить сообщение, но спросить себя, что оно значило. — Он протянул копыто Твайлайт, чтобы помочь ему подняться. — И в этом я буду счастлив тебе помочь.

И тут... что-то сверкнуло. Твайлайт почувствовал заструившуюся по его телу энергию, более мощную, чем что-либо, что он чувствовал раньше, даже в священных землях. Эта энергия показалась странно знакомой ему; словно любовь, но не совсем, и...

Его глаза округлились. Он больше не чувствовал боли. Пустота в его желудке была заполнена, и впервые с того самого момента, как он вылупился, он не был голоден.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил Эплджек с благоговением. — Эту энергию?

Твайлайт кивнул, он наконец понял, что это было. Богиня Твайлайт Спаркл об этом и говорила ему.

— Могущество дружбы, — прошептал он. Должно быть, это было именно оно. Любовь, которая может быть создана и разделена, при этом совершенно не убывая. Опираясь на Эплджек, он встал на ноги, чувствуя себя лучше, чем когда-либо в жизни. — Теперь я понял, что боги говорили мне.

Он посмотрел на кристалл на троне, вспоминая облик богини Твайлайт Спаркл. Затем закрыл глаза, глубоко вдохнул и принял её обличие как своё собственное. Теперь оно уже не казалось дешёвой имитацией или подражанием, но чем-то истинным. Чем-то настоящим. Это была не личина, созданная, чтобы разыгрывать сценки из жизни богов. Это было то, кем он стал.

— Само божество пред моими глазами, — прошептал Эплджек, чуть ли не инстинктивно преклоняясь перед ним, потом одёрнул себя. — Это ли то, что тебе было сказано?

— Боги возвращаются, — ответил Твайлайт, — но не такими, какими они были. Они открыли нам секреты, как самим стать богами, и дали завет принести их божественность в этот мир.

Эплджек какое-то время мог только смотреть на него в благоговении, но в конце концов он кивнул. И, закрыв глаза, принял форму оранжевой земной богини Эплджек, причём, как и Твайлайт, с её божественной изящностью.

— Мы должны разделить сей секрет, — сказал он. — Рассказать всему нашему роду, нуждающемуся в этой силе.

Твайлайт кивнул. Затем повернулся к трону, безмолвно благодаря богов за всё, чем они его одарили.

— И таким образом мы исполним волю богов.

Вместе они составили план: сначала вернуться в улей Эплджек, затем в улей Твайлайт, а после странствовать от улья к улью, всюду распространяя секрет дружбы. С тех пор, как вошёл в город, Твайлайт даже не думал, что будет рад его покинуть, но когда вместе с Эплджек он вновь вышел в пустошь, он уже с удовольствием предвкушал своё второе путешествие. Он шёл уже не один, под присмотром одних лишь богов, но с другом. Своим самым первым другом.

А вместе они будут жить.